

Ху Ичжи, мужчина, двадцать восемь лет.

Как можно понять, он типичный задрот-затворник.

На протяжении веков род Ху обладал способностью общаться с миром мертвых. Их даосские техники были бесценны и передавались исключительно по женской линии. Однако при этом поколении была введена политика «одна семья - один ребенок». Мать Ху родила сына. Выбора не было, и он унаследовал даосские традиции рода Ху.

Вероятно, из-за того, что он был мужчиной, родовая система и аппаратное обеспечение оказались принципиально несовместимыми, что постоянно приводило к ошибкам. То, что он до сих пор остался жив, было чистым везением. Другими словами, он не освоил ни одного заклинания, которое должен был освоить, но встретил всех призраков, которых не должен был встретить.

- Из-за того, что я постоянно сталкиваюсь с призраками, я часто болею, у меня плохое здоровье, поэтому я не могу работать, - тихим голосом рассказывал Ху Ичжи, сидя, обхватив колени. - После окончания университета я просто заперся дома. Сажу в интернете, смотрю аниме, почти не выхожу на улицу. Пользуюсь доставкой и ем еду на вынос.

Хэ Цзиньчжао было любопытно.

- На что ты живешь, если не работаешь?

В конце концов, сам киноимператор начал зарабатывать на жизнь на съемочных площадках, когда ему было пятнадцать. Ему действительно трудно представить, что кто-то в этом мире может вообще не работать и не контактировать с людьми.

- Ну..., - Ху Ичжи поскреб пальцами по стулу с вопросительным знаком, на котором сидел. - Когда правительство переселяло нашу деревню из гор, семье бабушки выделили несколько квартир. Потом был снос старого жилья, компенсации, потом снова...

- Хватит, - резко прервал его Лин Чэнь, чувствуя, как у него подскочило давление. - Я не могу это слушать. Ненавижу богатых.

Разговор был насильно возвращен в нужное русло.

Лин Чэнь вкратце рассказал, как он и Хэ Цзиньчжао познакомились, конечно же не забыв упомянуть связывающую их нить.

По правде говоря, Лин Чэнь сильно сомневался, что Ху Ичжи сможет им помочь. Этот Великий шаман, боящийся призраков задрот, всем своим видом излучал ненадежность.

Но какой у них был выбор? Раз уж они с ним познакомились, бесплатная консультация не была лишней.

- Вот такая ситуация, - серьезно сказал Лин Чэнь. - Есть какие-нибудь идеи, Великий шаман?

- Ты... Не называй меня Великим шаманом. Просто зови меня по имени, - смутился Ху Ичжи. - Что касается идей... Их вообще нет. Последний раз я слышал о встрече двух главных героев у гроба, усыпанного цветами, в «Белоснежке».

Лин Чэнь: =_#####□

Ах, руки так и чешутся.

Хэ Цзиньчжао был удивлен ответом Ху Ичжи. Он инстинктивно выпрямился, сократив расстояние между ними:

- ... Действительно нет?

Смелости у кудрявого парня было чуть больше, чем у хомяка. Обычный вопрос Хэ Цзиньчжао прозвучал для него как смертный приговор из уст демона. От испуга его голос стал выше:

- А!! Я-я-я я вспомнил! Есть одна!

Увидев его испуганный вид, Хэ Цзиньчжао растерялся. Мужчина повернулся к Лин Чэню и спросил:

- Как я сейчас выгляжу? У меня что, отовсюду течет кровь или глаза красные? Почему он так меня боится?

С тех пор, как он стал призраком, он больше не мог видеть свое отражение в зеркалах, стекле или любой другой отражающей поверхности... Небеса, он всю жизнь был красавцем, он абсолютно не мог стать отвратительным призраком после смерти.

Лин Чэнь серьезно посмотрел на Хэ Цзиньчжао.

- Кроме того, что ты немного бледный и губы у тебя слегка сухие, ты выглядишь точно так же, как и когда умер.

Хэ Цзиньчжао:

- Все еще такой же красивый, как и при жизни?

Лин Чэнь:

- ...

Хэ Цзиньчжао:

- Раз молчишь, значит согласен.

Тем временем Ху Ичжи отодвинул свой стул еще на два шага назад, пока не оказался на безопасном расстоянии от злого духа киноимператора. Он с облегчением выдохнул, а затем пробормотал:

- Я... Я вдруг вспомнил причину, почему господин Хэ после смерти стал призраком, а не просто исчез, - он глубоко вздохнул и вывалил все, что знал: - Бабушка говорила, что из-за быстрого развития науки после основания КНР животные редко стали обретать духовную форму, и количество призраков сильно сократилось. Те призраки, что еще блуждают в нашем мире, либо питают великую обиду, либо обладают великим счастьем.

Хэ Цзиньчжао оживился.

- О? Так ты имеешь в виду, что я обладаю великим счастьем?

Лин Чэнь бросил на него взгляд.

- Почему бы тебе не спросить о великой обиде?

Хэ Цзиньчжао слегка улыбнулся.

- Моя жизнь была хорошей. За исключением странной смерти, я никогда не сталкивался с несправедливостью. То, что я стал призраком, должно означать, что мое настоящее счастье еще впереди.

Лин Чэнь:

- ... О, вы весьма самоуверенны.

Ху Ичжи продолжил:

- Великое счастье довольно просто объяснить. Например, у кого-то благоприятная судьба, его особенно любят, и все желают ему долгой жизни. Бесчисленные одинаковые мысли сливаются в одну мощную волю. Она, словно щит, защищает его и, подобно семени, закрепляется в его

душе. В прошлом таких людей называли верующими, а сейчас их называют...

- Фанатами, - услышав это, Хэ Цзиньчжао внезапно понял: - Ты хочешь сказать, что меня защищает любовь моих фанатов? Вот почему я не умер сразу, а стал призраком.

Этот ответ удивил Лин Чэня, но, поразмыслив, он понял, что это имело смысл.

В шоу-бизнесе говорят: «Популярность питает человека». Чем популярнее артист, тем лучше его осанка и цвет лица, и наоборот, те, кто вовлечен в скандалы, часто выглядят изможденными и угрюмыми.

В наши дни любовь к кумирам граничит с обожествлением. Преданность фанатов одновременно и самая крепкая, и самая хрупкая.

Они могут быстро возвысить кого-то до божественного статуса, а потом без сожаления повернуться спиной.

- В общем-то, да, - ответил Ху Ичжи. - Но все не так просто, иначе все знаменитости жили бы вечно. Одной только любви фанатов недостаточно, чтобы душа осталась в этом мире после смерти. Господин Хэ, ты, должно быть, за свою жизнь совершил немало добрых дел. Если использовать терминологию индустрии развлечений, нужно иметь и «популярность», и «реальные достижения».

Хэ Цзиньчжао промычал в ответ, соглашаясь. На его лице не было и тени самодовольства, словно он рассказывал о чем-то совершенно обыденном:

- С тех пор как я получил свой первый гонорар за съемки, я каждый год анонимно жертвую на постройку начальных школ «Надежда»*, сельских библиотек и больниц. Я участвовал в некоторых программах помощи сельскому хозяйству и образовательным учреждениям... Хм, и еще выделяю деньги на стипендии для нуждающихся студентов.

Лин Чэнь резко повернулся и посмотрел на него с нескрываемым удивлением в глазах.

- В чем дело? - Хэ Цзиньчжао заметил его пристальный взгляд.

Лин Чэнь сказал прямо:

- Я не думал, что ты такой...

Он не знал, какое слово подобрать, чтобы описать это. Добрый? Недостаточно.

Отзывчивый? Тоже не совсем то.

Этот самовлюбленный Хэ Цзиньчжао, способный хвастаться своей внешностью по триста раз в день, он ни разу не упомянул о своих пожертвованиях в СМИ. Если бы Ху Ичжи не заговорил об этом сегодня, эта тайна ушла бы вместе с ним в могилу.

Заметив замешательство Лин Чэня, Хэ Цзиньчжао поднял бровь и закончил его фразу:

- Не думал, что я настолько благородный и прекрасный?

Лин Чэнь:

- ...

Недавние мысли о «доброте» и «отзывчивости» рассеялись.

Лин Чэнь закатил глаза и повернулся к Ху Ичжи.

- Великий шаман, что за нить нас связывает? Ее можно разорвать?

Говоря это, он инстинктивно согнул мизинец на правой руке.

Он не мог видеть нить на своем пальце, но слабо ощущал тесную связь, соединяющую его с другим человеком. Эта невидимая нить связывала не только их тела, но и их судьбы.

- Это вопрос к вам, - Ху Ичжи сжал воздух обеими руками, как будто схватил что-то, затем поднял нить к глазам, рассматривая поближе. - Хотя я сам впервые вижу подобную нить, бабушка упоминала о ней. Нить судьбы связывает лишь тех, кто имел глубокую связь еще при жизни. Вы точно раньше не были знакомы?

Лин Чэнь и Хэ Цзиньчжао переглянулись, а затем одновременно покачали головами.

- Мы ни разу не встречались, - ответил Лин Чэнь и с самоиронией продолжил: - Он суперзвезда, а я всего лишь его поклонник. За исключением моей довольно специфической работы, я самый обычный человек.

Хэ Цзиньчжао добавил:

- У меня много лет не было встреч с фанатами. Я действительно никогда раньше не встречался с Сяо Лином.

- Странно, - Ху Ичжи отложил нить, которую держал в руке, подпер подбородок и серьезно задумался.

Однако его навыков не хватало. Он энергично потряс головой, но кроме появления шума в ушах, ничего не произошло.

- Давайте пока отложим вопрос с нитью, - сказал Лин Чэнь, переключая внимание. - Как он может выбраться из своего нынешнего состояния?

Взгляд Ху Ичжи некоторое время блуждал, но он ничего не ответил.

Хотя густая челка скрывала его глаза, Хэ Цзиньчжао понял: парень пытается увильнуть от ответа.

Хэ Цзиньчжао, впрочем, уже был готов к этому. Со спокойной улыбкой он расслабленно откинулся на спинку дивана:

- Говори как есть. Я ведь не смогу воскреснуть, верно?

- Ну..., - голос Ху Ичжи упал почти до шепота, и он вновь прибег к авторитету бабушки. - Бабушка говорила, что в таких случаях, как твой, когда человек задерживается в этом мире из-за желаний фанатов, это не длится долго. Как минимум через три месяца, как максимум сто дней, ты уйдешь на перерождение.

После реинкарнации все исчезнет: воспоминания об этой жизни, слава, счастье и сожаления - все будет стерто.

Физическая смерть - это не конец, настоящий конец, когда рассеивается душа.

Осталось всего сто дней.

Услышав эту цифру, двое отреагировали совершенно по-разному.

Лин Чэнь:

- Так долго?

Хэ Цзиньчжао:

- Так мало?

Лин Чэнь:

- ...

Хэ Цзиньчжао:

- ...

Они уставились друг на друга.

Хэ Цзиньчжао нахмурился:

- В смысле «долго»? Сейчас визы выдают на десять лет, а мне дают тут только три месяца? Я даже не успел насладиться свободой от сценариев и съемок, а ты уже говоришь мне уезжать?

Лин Чэнь резко ответил:

- Ты, может, и свободен, а как же я? Я провел с тобой всего три дня, а уже готов из фаната превратиться в хейтера. Великий актер, ты что, действительно хочешь остаться у меня в качестве «Сяо Чжао»?

Хэ Цзиньчжао недоверчиво переспросил:

- Ты действительно хочешь из фаната превратиться в хейтера? Посмотри на мое лицо, ты действительно можешь это сделать? Ты что, уже не хочешь унаследовать мое состояние?

Лин Чэнь пренебрежительно фыркнул:

- Ха! Ха! Ха! Не пытайся меня обмануть. Сначала переведи мне деньги за кофе, тогда я, может быть, подумаю о том, чтобы сжечь для тебя побольше бумажных денег после твоего перерождения.

Хэ Цзиньчжао: [Сердится.jpg]

Лин Чэнь: [Бла-бла-бла.gif]

Когда злой призрак разгневан, последствия будут довольно серьезными.

Внезапно все лампы в гостиной начали потрескивать и мерцать. Ху Ичжи носился по комнате, выключая их, но не успевал за Хэ Цзиньчжао, который включал свет с пугающей скоростью.

- Мне... Мне кажется? - Ху Ичжи в ужасе обхватил себя руками и дрожащим голосом спросил: - Почему я чувствую холодный ветерок на затылке?

- Тебе не кажется, - ответил ему Лин Чэнь. - Это один злой дух включил кондиционер.

Ху Ичжи:

- ...

Он обернулся и увидел, что кондиционер в углу включился, а температура была установлена на шестнадцать градусов, и холодный поток обдувал затылки двух людей.

Лин Чэнь сердито улыбнулся и плотнее закутался в куртку.

- Хэ Цзиньчжао, я смотрю, ты не только самовлюбленный, но и ведешь себя как ребенок!

Хэ Цзиньчжао фыркнул и высокомерно повернул голову.

В следующую секунду игровая приставка, подключенная к телевизору, самостоятельно включилась. Маленький персонаж в одежде героя, без всякого управления, взобрался на высокую башню, а затем без колебаний прыгнул вниз, покончив с собой.

Ху Ичжи был на грани слез:

- Моя серия побед!

... В общем, с тех пор как киноимператор Хэ обрел способность управлять электроприборами, его гнев стал более потусторонним.

Единственным пострадавшим оказался хозяин дома, Ху Ичжи. Он не мог понять, почему, когда они ссорятся, страдает он. Он что, просто декорация в их игре?

Примечания:

* Школа «Надежда» - благотворительная программа по строительству школ в бедных районах

<http://bllate.org/book/14930/1326285>